

УДК 32(091)

А.В. Головинов

ПО ПОВОДУ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ОБЛАСТНИЧЕСТВА: ОПЫТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Реконструируется идеологическая сущность сибирского областничества. Автор, опираясь на современные подходы к определению природы политических идеологий, показывает причастность областничества к отечественным традиционным идеологиям. Установлено, что идеологическая природа сибирского областничества прослеживается не только в содержательном плане, но и в символическом аспекте.

Ключевые слова: сибирское областничество, идеология, идентичность, традиционализм.

Для определения концептуальной сущности той или иной системы взглядов необходим разбор дефиниций, наиболее полно отражающих суть общественного явления. Массив литературы, посвященный феномену сибирского областничества, увы, не содержит какую-то общепринятую понятийную трактовку данной концепции. Все чаще сибирский регионализм рассматривается как общественно-политическое движение, доктрина, философская система взглядов, умонастроение сибирской разночинной интеллигенции второй половины XIX в., реже как идеология. Стоит заметить, что выявление идеологической сущности областничества, по существу, есть политологическая и социально-философская проблематика, а это практически не применяющийся взгляд на областничество¹.

Ситуация осложняется тем, что до настоящего времени в литературе доминируют методологически устаревшие подходы к сущности национальных идеологий и соответственно крайне мифологизированные интерпретации самого их смысла, не говоря уже об оттенках и нюансах. Существуют и объективные трудности. Главная из них – фрагментарность имеющихся в наличии концептуальных разработок собственно демократического направления. К этому стоит добавить, что сегодняшнее положение идеологических практик в структуре российской политики таково, что эту политику можно интерпретировать как отрицание масштабного исторического опыта (корме, конечно, советского) идеологического воздействия на общество и государство.

В новой России продолжается поиск значения идеологии в структуре политической жизни. В связи с этим современные исследователи вводят понятие «идеологический фактор» [1. С. 4]. Поэтому не случайно, что в российском политическом процессе был актуализирован вопрос о месте и роли общенациональной идеологии. Ответить на вопрос, нужна ли таковая современной России и если да, то какой она должна быть, крайне сложно, поскольку сама политическая элита, непосредственно заинтересованная в этом, к со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках федерального государственного задания (проект № 6.3042.2011 «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России»).

жалению, не предпринимает попыток внедрения наследия истинно традиционных русских идеологий в политическую практику.

По замерам социологов и политическое сознание россиян, в котором вполне могли бы воспроизводиться истинно русские гуманистические политические ценности, весьма и весьма синкретично. Это неизбежно побуждает выявить во всем многообразии российского идеологического пространства концепции, способные ответить современным вызовам модернизации, опираясь при этом не на заемные, а традиционные ценности, позволяя плодотворно сочетать традиции и новации. Чаще всего в таком духе трактуют народничество, славянофильство и евразийство. Надо признать, что областническая идеология в данном исследовательском сегменте явление редкое, если не сказать исключительное. А ведь именно представители этого идеологического направления (наряду, конечно, с другими) разработали оригинальный проект переустройства всей российской государственности. Системообразующие парадигмы данной идеологии – самоуправление и самоорганизация гражданского общества – и сегодня не теряют своей значимости. Идея земства и демократическая выборность субъектов государственной власти, независимость последней от бюрократии оптимально сочетались в этой идеологии с общеευропейскими приоритетами свободы слова и мысли, свободы вероисповедания, свободы печати, полноправия малых народов и другими ценностными установками, объективно близкими XXI в. О неизменной актуальности идей «прошлого» идеолог областничества Г.Н. Потанин высказывался весьма ретроспективно: «Наше общественное положение часто сменяется одно другим, поэтому поучительно почаще делать обзоры пройденного пути...» [2. С. 3].

Принадлежность областничества к идеологиям в конечном счете позволит избавить концепцию сибирских регионалистов от некоторой доли утопизма. Известно, что идеология выступает комплексным социально-политическим феноменом, соединяющим духовное и практическое производство. То есть в данном случае сама выработка идей, призванных трансформировать социальную и политическую действительность, прежде всего связана с технологиями их практического осуществления. По наблюдениям же В.В. Ильина, идеология не может быть расценена как явление чисто духовное или практически-духовное; она есть образование синкретическое, отображающее способность человека как свободного существа самоутверждаться по внутренним автономным целям [3. С. 220].

По сути своей идеология всегда ориентирована на практический результат. Надо заметить, что сами лидеры областнического движения неоднократно отмечали, что «умы областников заняты более конкретным, их умы мало занимаются абстрактными идеями, их внимание обращено, главным образом, на конкретное» [4. С. 3].

Обращая внимание на насущные проблемы Сибирского региона (отмену политической ссылки, строительство железной дороги, развитие народного образования, истребление коренного населения региона и многие другие), Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев определяли, что суть всех проблем кроется в установлении «правильных» взаимоотношений центра и периферии. Эта цементирующая идея выступает неким идеологическим ядром областничества.

Более того, этот центральный постулат идеологии сибирских патриотов выстраивался в теоретический конструкт исключительно из практических и наблюдаемых нужд региона. «Многообразные нужды Сибири, – писал Г.Н. Потанин, – обобщаются одной идеей – уравнением колонии с метрополией во всех областях жизни» [5. С. 275].

Практическую сущность областничества как идеологии еще на стадии зарождения движения молодых сибирских патриотов осознавали не только сами будущие лидеры сибирского регионализма, но и все «сочувствующие» сибирской идее. «Было стремление, – пояснял Н. Козьмин в некрологе, посвященном Н.М. Ядринцеву, – превратить землячества в политический кружок для подготовки политических борцов. Такие стремления питались в значительной мере той борьбой, которая происходила в руководящих общественных кругах» [6. С. 3]. Потому не удивительно, что все участники движения областников стремились не столько создать теоретические концепции, сколько разработать детальную стратегию выхода из так называемого имперского тупика. Причем становление свободной Сибири в их аргументации могло бы послужить примером и для других областей, соответственно на этой почве крепкой поступью пошло бы развитие истинно федеративного государства.

Так или иначе идеология наряду с практическим элементом включает концепт идеальный. Являясь средством проектирования действительности, как отмечают современные исследователи, идеология определяет форму и характер существования ментального в реальном политическом мире. Она конструирует и преобразует картину мира – это внутреннее измерение реальности, которое преломляется сквозь призму идеологии [7. С. 7]. Таким образом, практическая направленность идей сибирских регионалистов вовсе не является исчерпывающим фактором идеологической сущности областничества. Однако же сама идеальная модель всегда рациональна, поскольку изначально происходит сознательное противопоставление «реального» и «идеального». Идеология задает систему координат и определяет видение вещей, но единственным источником легитимности идеологии может стать только тот, на кого непосредственно направлено идеологическое воздействие [8. С. 125].

В целом именно политическая идеология как органичное соединение идеального и рационального направлена на внедрение в массовое сознание определенных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего. Это в свою очередь способствует формированию смыслообразующих мотивов, детерминирующих дальнейшую политическую активность граждан. Формируя личностную модель мира, по наблюдениям современного автора, идеология включается в индивидуальный процесс познания и интерпретации социально-политической реальности, способствуя объединению и концептуализации личной и общественной сферы жизни людей [9]. По нашему мнению, такие функции или задачи идеологии служат прочной основой групповой идентичности. Исходя из этого, вполне можно считать, что та или иная идеология в какой-то степени базируется на национальной, социальной, региональной, религиозной (или другой) идентичности, к выработке которой и стремится. В своем содержательном контексте областническая идеология как раз и была

призвана развивать местное самосознание, без которого немислима национально-региональная идентичность. Идеологи сибирского регионализма специально разъясняли: «Областное самоуправление предполагает область; в области есть население, оно пробудилось и начинает осознавать свои интересы, общие в пределах области; это самосознание распространяется только до пределов области и за ее пределы не выходит – за пределами действует самосознание другой области. Лица, в которых пробудилось это самосознание, и есть областники, а если они сорганизируются с целью разрабатывать это самосознание, то это и будет областничество» [10. С. 252].

Стоит добавить, что идеология есть форма социальной идентификации. Потребность в идентификации возникает в критический период крушения старых и возникновения новых социальных систем при остром ощущении потери стабильных основ, на которых строились прежние личные и групповые оценки. Идеология стала социально значимым феноменом, когда был сделан качественный скачок в развитии производительных сил и технологических ресурсов, позволивший обществу гораздо больше усилий направлять на рациональное осмысление своей деятельности [11. С. 120].

Л.И. Шерстова прямо указывает на то, что зарождение идеологии областничества пришлось на период сложения региональной идентичности в Сибири, что было связано с осознанием особых сибирских интересов [12. С. 150]. Другой современный исследователь заметил, что появление региона непременно связано с практической самоидентификацией определенной территориальной общности и выработкой региональной идентичности. В этом смысле регионализм / областничество в любом регионе как раз является позиционирующим явлением, моделирующим региональную идентичность данного региона [13. С. 149].

Ратуя за развитие регионального самосознания, Г.Н. Потанин признавал: «Казалось, что какую картину будущего благополучия в области ни нарисуй, она не увлечет сибирского общества, не заставит его задуматься над своей судьбой». «Представление же о независимом сибирском государстве, – надеялся идеолог областничества, – вызовет радикальный переворот в умах, сдвинет их с места и заставит работать» [5. С. 271]. Таким образом, понятно, что сибирские областники в своей идеологии стали выразителями региональной идентичности. Они заложили теоретико-идеологический фундамент конструирования сибирской идентичности, сохраняющий свою значимость до настоящего времени.

Как показано в социологическом исследовании А.Э. Зайнутдинова, областники наряду с выделением региональных особенностей Сибири (общность территории, природные ресурсы, культура) обозначили ключевые элементы сибирской коллективной идентичности: на основе примордиального кода выделили этнологические, территориальные, языковые признаки; на основе общественного кода – сибирские традиции, культуру, формы поведения; на основе трансцендентного кода – заданную положением Сибири между Западом и Востоком ментальность, синтез на ее территории множества культур, религий и традиций [14. С. 10]. Как раз именно эти параметры сибирской идентичности остаются определяющими и в наши дни. Все это также позволяет причислять областничество к политическим идеологиям, которые, как отме-

чалось ранее, направлены на формирование групповой идентичности, в отличие, например, от концепции или доктрины.

Другой неотъемлемой характеристикой при определении областничества как идеологии является выработка определенного понимания социальной и политической действительности, присущая всем системам взглядов, квалифицируемым в качестве идеологии. Чем убедительней выглядит идеальный образ (понимание) действительности, тем идеология признается более стройной. В областничестве, кстати сказать, в этом отношении речь шла о «местных вопросах» и местном патриотизме. Общее понимание окружающей действительности было возможно только сквозь призму известных принципов «от провинции к центру», «от частного к целому», «от конкретного к абстрактному». «Конечно, он не забывал общечеловеческих интересов, – отмечал биограф Г.Н. Потанина, – но отказывался от широкой программы служения целому человечеству; он думал, что, потрудившись для Сибири, добившись для нее равных прав, он тем самым окажет услугу и всему человечеству» [15. С. 20]. Стиль мышления, пропагандируемый в идеологии областничества, исключал всякие проявления космополитизма и национализма, а также идеи о любой исключительности и содержал в себе призыв к реализации повседневных практик решения истинно насущных проблем. Ядром такого мышления выступает не столько обыденное сознание, сколько общегрупповые и общечеловеческие ценности. Нужно, однако, признать, что созданные и обоснованные идеологиями ценности, по мнению отечественных исследователей, являются особой формой выражения интересов социальных групп и воплощают в себе сознательное и бессознательное стремление конкретных страт организовать общественную жизнь, помыслы и поступки сограждан определенным образом, направить их в необходимое данной группе русло [16. С. 48]. Такой группой в областнической идеологии являлись сибиряки, причем как коренные, так и пришлые, соединенные в «народно-областном типе». Само понимание социальной и политической действительности в областничестве было немыслимо без служения отчему краю, своей малой родине.

В этом своем проявлении областничество вполне может расцениваться как народная идеология. «Народная идеология, – по определению зарубежного исследователя, – это, как правило, сочетание двух элементов: один из них присущ низшим «народным» классам; другой – постепенно привносится в эти классы извне и адаптируется ими». Первый и самый важный, базовый ее элемент Дж. Рюде идентифицирует как «традиционную идеологию», которая «не навяна проповедями и речами, не вычитана из книг». Она представляет собой комплекс фундаментальных ценностей, который «вытекает из непосредственного опыта, устной традиции и народной памяти». Второй элемент «народной идеологии» составляют внешние для народа заимствования. Это – сфера собственно политической идеологии. В частности, к ней относятся такие систематизированные идейно-нормативные понятия, как «права человека», «народный суверенитет», «свобода» и т.д. (цит. по [17. С. 256]). Не случайно Н.М. Ядринцев призывал обращаться к истории различных «областных масс народа». «Народ, – был убежден Ядринцев, – не является пассивной массой, он все больше выходит на арену истории» [18. С. 36].

Справедливости ради стоит отметить, что идеологическая сущность сибирского областничества прослеживается не только в содержательном плане, о котором шла речь выше. Сибирский исследователь А.И. Щербинин заметил, что делать акцент только на содержательной стороне идеологий было бы неполноценным, поскольку в идеологию включается и символический аспект. Он обращен к мотивациям общественно-политического поведения граждан [7]. Между прочим, именно в этом аспекте идеологии и приобретают новую жизнь и берутся на вооружение многими общественными деятелями. Так и областничество продолжает развиваться, а иногда, правда, и спекулятивно искажаться современными политическими деятелями.

Вполне очевидно, что в современной России наметилась идеологическая тенденция, которую можно идентифицировать как возвращение парадигмы областничества в реальную общественно-политическую жизнь. Ни для кого в данном случае не секрет, что со времени подписания «Сибирского соглашения» необластничество стало стремительно расширяться. Универсальность идеи «Свободной Сибири», воспетой адептами областничества в XIX в., не только продолжает волновать умы региональных деятелей, но и переосмыляется в деятельности и работах, например Д. Верхотурова и И. Подшивалова. «В рамках России идея сибирской самостоятельности обладает большим потенциалом преобразования, – пишет областнически настроенный современный публицист, – для общества под названием Россия – это последний шанс на выживание» [19. С. 291]. Современные сторонники, а правильнее сказать последователи областнической идеологии, самостоятельность связывают с требованиями культурной автономии. В частности, к этим требованиям Д. Верхотуров относит: отмену навязывания государственной идеологии и государственного патриотизма; отмену навязывания какой-либо идентичности; полную свободу изучения и составления своей истории; полную свободу поддержания внешних культурных и образовательных связей [Там же. С. 294]. Символический концепт свободной независимой Сибири, сформулированный классиками областничества, дарует этой идеологии новую жизнь. Все это дает нам право видеть в этом еще один аргумент в пользу областничества как идеологии.

Обращает на себя внимание факт, что символический концепт свободной Сибири выстраивался в областничестве посредством апелляции к традиционным ценностям, имманентно присущим русскому народу. Потому понятно, что в своем идеологическом содержании сибирский регионализм явно тяготеет к традиционализму. Нам представляется, что областничество занимает особое место среди отечественных традиционных идеологий.

Именно идеологии традиционалистского типа, к которым можно отнести народничество, областничество и толстовство, несмотря на инвариантный характер, образуют сложную разветвленную систему компонентов, находящихся в функциональной взаимозависимости. Такое научное позиционирование классических традиционных идеологий России позволяет говорить об их трихотомической целостности. Интегрирующим фактором гармоничного идеологического «родства» народничества, областничества и толстовства, безусловно, является их общий гуманистический смысл, взращенный на почве истинно демократических ценностей и обращенный к подлинно духовному

миру человека и гражданина, действующего, прежде всего, на свободной земле [20].

Более того, каждая из этих идеологий неминуемо охватывает весь многогранный, национально-региональный мир России. Так, идеологически народничество аккумулирует в себе демократические гуманистические ценности отечественного сознания, по сути, направленные на поиск «человека в человеке». Именно под действием базовых принципов русского народничества вполне может быть задан и в настоящее время целый ряд жизненных ориентаций, воплощенных в систему разнообразных антропологических практик, предопределивших еще полтора столетия назад главные социокультурные тенденции развития русского общества.

Региональной интегрирующей почвой идеологом отечественного традиционализма выступает концепция сибирского областничества, ориентированная на гармонизацию локального, национального и регионального пространства России, основанную на идеях автономизма, федерализма и децентрализации. Базовыми интегрирующими константами идеологии областников как раз и являются патриотизм как универсальная духовная ценность, образование как способ передачи традиций и ценностей, а также интеллигенция как главный носитель и ретранслятор политических и культурных ценностей и смыслов.

Духовно-антропологический смысл толстовства позволяет в свою очередь агрегировать религиозно-нравственную сторону традиционных русских ценностей, основанных на христианских началах любви. В духе «этического анархизма» пацифизм толстовской идеологии позволяет в сфере обыденной жизни, повседневного поведения выступать как запрет на месть, как призыв пробудить в человеке истинно нравственные идеалы. Более того, такая этическая установка вполне может создавать реальную основу соединения воедино духовных и материальных качеств человека, народных и государственных интересов.

В связи с этим очевидной оказывается концептуальная триада идеологического облика русского традиционализма, вобравшего в себя лучшие идеи и ценности народничества, областничества и толстовства и несущего глубокий гуманистический жизнеутверждающий смысл. Поэтому в идейном плане областничество органично встраивается в традиционно-идеологическое пространство России. Познать гений сибирского областничества более емко можно в контексте взаимосвязи с базовыми классическими традиционными идеологиями нашей страны. Мы же вовсе не претендуем на полноту изложения искомой проблематики, поскольку эта тема требует специального исследования.

Итак, можно установить, что сибирское областничество представляет собой традиционную отечественную идеологию. Идеологическая природа учения классиков демократического регионализма выражается в практической направленности этой концептуальной схемы. Эта идеология направлена на внедрение в массовое сознание определённых критериев оценки прошлого, настоящего и будущего, являясь прочной основой групповой идентичности. Причастность областничества к идеологиям иллюстрирует стиль мышления, пропагандируемый в идеологии областничества, который исключал всякие

проявления космополитизма и национализма. Символический аспект, выраженный в концепте свободной Сибири, придает областничеству как идеологии неизменную актуальность и востребованность в наши дни.

Литература

1. *Головченко В.И.* Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. 48 с.
2. *Потанин Г.Н.* Признания областника // Сибирская жизнь. 1918. 5 сент. С. 2–3.
3. *Ильин В.В.* Аксиология. М., 2005. 478 с.
4. Сибирская жизнь. 1912. № 4. С. 3.
5. *Потанин Н.Г.* Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. 346 с.
6. *Козьмин Н.* Памяти Ядринцева // Сибирская жизнь. 1915. № 4. С. 2–4.
7. *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Политический мир России. Томск: Водолей, 1996.
8. *Скочилова В.Г.* Идеология как символическая система // Вестник ТГУ. Сер. Философия. Социология. Политология. 2008. №3. С. 122–126.
9. *Аль-Дайни М.А.* Манипулятивный характер идеологии в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 22 с.
10. *Потанин Г.Н.* Быть или не быть сибирскому областничеству // Потанин Г.Н. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 2: Общественно-политические произведения. Павлодар, 2005. С. 250–252
11. *Ермаков А.В.* Современная российская государственная идеология и ее «николаевские» корни // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 3. С. 112–124.
12. *Шерстова Л.И.* Областническая идеология: некоторые проблемы региональной идентичности // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества: сб. статей / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010. С. 149–154.
13. *Зайнутдинов А.Э.* Сибирское областничество как фактор формирования региональной идентичности // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе : матер. междунар. науч.-практ. заочн. конф. / Сост. А.С. Тимошук. Владимир, 2010. С. 149–152.
14. *Зайнутдинов А.Э.* Сибирское областничество: историко-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2012. 22 с.
15. *Адрианов А.В.* К биографии Г.Н. Потанина // Сборник к 80-летию со дня рождения Потанина. Томск, 1915. С. 3–24.
16. *Давидович В.Е., Золотухина-Аболина Е.В.* Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. №3. С. 44–50.
17. *Должиков В.А.* Русский традиционализм XIX в.: проблема ретроспективной политологической идентификации // Неверовские чтения: матер. II рег. конф., посвящ. памяти профессора В.И. Неверова. Барнаул, 2007. С. 252–258.
18. *Ядринцев Н.М.* Народно-областное начало русской жизни и истории // Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск, 1919. С. 32–40.
19. *Верхотуров Д.* Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. Красноярск; Владимир, 2009. 332 с.
20. *Головинов А.В., Должиков В.А., Петров Д.С.* Идеологический облик русского традиционализма: приоритеты и ценности народничества, областничества, толстовства. Барнаул: Сизиф, 2011. 166 с.